

УДК 001.891.34

**ПРИОРИТЕТНЫЕ ЗАДАЧИ
КАНТОВЕДЕНИЯ
НА БЛИЖАЙШЕЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ**

В. В. Балановский*

Устремленность в будущее является характерным для философии умонастроением. Дискуссии, развернувшиеся на прошедших XI Кантовских чтениях, только подтвердили прометеевский статус любомудрия. На конференции много говорилось о будущем человечества, страны, региона и даже университета. Зачастую это общее умонастроение приобретало конкретные очертания в мысли о том, что осталось всего-то 10 лет на подготовку к 300-летнему юбилею Канта.

По традиции к юбилеям готовятся заранее, и считается верхом неприличия приходить к юбиляру с пустыми руками. На мой взгляд, лучший подарок, который мировое научное сообщество может преподнести Канту на трехсотлетие, — это вывести кантоведение на новый уровень развития. Но как это сделать? В каком направлении работать? Какие необходимо решить для этого первоочередные задачи? В попытке ответить на эти вопросы возникла идея провести под эгидой Института Канта опрос среди кантоведов о том, с чем же мы должны прийти к концу грядущих двух пятилеток.

Первые ответы в рамках опроса были получены в ходе Кантовских чтений. Затем общение с экспертами продолжилось в заочной форме. Большая часть ответов поступила к исходу июля.

Форма экспертного опроса для определения приоритетных задач, которые должны быть решены к 300-летию со дня рождения Канта, выбрана по нескольким причинам. Главная заключается в том, что здесь требуется не достижение усредненного массового показателя, а взвешенная позиция исследователей, которые не первый год занимаются кантоведением. Мнение каждого такого ученого уникально и важно, им нельзя пренебречь.

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 15.09.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-4-9

© Балановский В. В., 2014

Другая причина — техническая. В настоящий момент проведение обычного социологического исследования, предполагающего приблизительное знание количества кантоведов в мире с распределением по странам, где они работают, затруднительно. Насколько мне известно, в аккумулярованном виде такой информации пока не существует. Поэтому наилучшим выходом из ситуации, по крайней мере для предварительной разработки темы, оказалось проведение именно экспертного персонального опроса.

Поскольку идея опроса зародилась на последних Кантовских чтениях, то, конечно же, большую часть экспертов составили ученые, которые регулярно принимают участие в данном мероприятии и имеют большой опыт в изучении кантовского наследия. Остальные респонденты — это известные за пределами своих стран исследователи, которые никогда не принимали участие в кантовских семинарах и конференциях, проводимых в Калининграде. Разумеется, из этой категории экспертов процент ответивших оказался меньше. Поэтому каждый раз, когда кто-нибудь из них присылал заполненные анкеты, это доставляло двойную радость.

Одной из трудностей для проведения такого рода опросов является то, что знание перспективных областей какой-либо науки является для ученых конкурентным преимуществом, поэтому не каждый исследователь готов делиться с другими представлением о том, что в будущем окажется востребованным. Но я верю в то, что этот сюжет, характерный для науки как вида деятельности в концепции Т. Куна и И. Лакатоса, не относится к исследователям наследия Канта, которые вместе делают одно дело и готовы помогать друг другу в стремлении к истине.

Завершая вступление, хочу еще раз от всей души поблагодарить экспертов, которые откликнулись на мои письма и приняли участие в опросе, а именно доктора Я. Акимоту (Германия), профессора В. Белова (Россия), профессора Х. Вагнера (Германия), доктора Х. Варден (США), профессора В. Гильманова (Россия), доктора М. Де Паулу Оливеру (Бразилия), профессора Б. Дёрфлингера (Германия), профессора П. Джорданетти (Италия), профессора Н. Дмитриеву (Россия), профессора М. Железного (Польша), профессора Л. Калининкова (Россия), профессора М. Кастильо (Франция), доцента А. Кислова (Россия), профессора А. Круглова (Россия), профессора Н. Мотрошилову (Россия), доцента О. Мухутдинова (Россия), профессора Х. Накамуру (Япония), доктора К. Онофа (Великобритания), профессора С. Палмквиста (Китай), профессора Т. Рокмора (Китай), профессора Т. Румянцеву (Беларусь), доктора М. Руффинг (Германия), профессора М. Соболеву (Австрия), профессора Г. Сорину (Россия), доктора Т. Тойфела (США), профессора Д. Хайдеманна (Люксембург), профессора Р. Хауэла (США), доктора Д. Хюнинга (Германия), профессора Ю. Штольценберга (Германия).

Эксперты

Всего анкеты были разосланы 70 ученым из 16 стран мира (Австрии, Беларуси, Бразилии, Великобритании, Германии, Италии, Испании, Китая, Люксембурга, Польши, России, США, Украины, Франции, Эстонии, Японии). Заполнили и прислали анкету 41 % первоначальной выборки респондентов, то есть 29 человек из 13 стран (Австрии, Беларуси, Бразилии, Великобритании, Германии, Италии, Китая, Люксембурга, Польши, России,

США, Франции, Японии). Больше всего ответивших респондентов работают в России (9 человек, 31 %), Германии (6 человек, 20 %) и США¹ (3 человека, 10 %).

Наиболее внушительная по численности группа респондентов — это исследователи, занимающиеся кантоведением более 30, но менее 40 лет (8 человек, 27 %). Затем идут ученые, которые посвятили Канту более 20, но менее 30 лет своей жизни (7 человек, 24 %), и те, кто исследуют его творчество более 10, но менее 20 лет (также 7 человек, 24 %). Третью строчку занимают ветераны, которые изучают наследие кёнигсбергского философа более 40 лет (6 человек, 20 %). Таким образом, подавляющее большинство респондентов (72 %) увлечены кантовской философией больше 20 лет. Дольше всех из опрошенных исследуют творчество основателя немецкой классической философии Хельмут Вагнер и Роберт Хауэл (более 50 лет).

При заполнении анкеты респонденты могли указывать несколько областей своих научных интересов. Поэтому один и тот же исследователь мог представиться как специалист в сфере теоретической и политической философии Канта. Чаще всего респонденты указывали, что специализируются в области теоретической философии (11 человек, 38 %), этики (8 человек, 27,5 %), философии религии (5 человек, 17 %), политической философии (4 человека, 14 %), философской антропологии (4 человека, 14 %), эстетике (3 человека, 10 %), телеологии (3 человека, 10 %), философии права (3 человека, 10 %).

Результаты

Всем экспертам был задан один и тот же вопрос: «Какие задачи, на Ваш взгляд, необходимо решить в ближайшие 10 лет для того, чтобы вывести кантоведение на новый уровень развития?». Респонденты должны были выделить не более трех ключевых задач, которых в итоге в общей сложности набралось 76.

Переходя к анализу ответов, отмечу, что обобщить их оказалось довольно проблематично. Каждый эксперт является уникальным исследователем со своим кругом интересов, видением приоритетов и академическим опытом. Это и понятно — за большинством респондентов стоит целая научная школа. Поэтому около 50 из 76 названных ключевых задач оказались не сводимыми одна к другой (то есть почти 2/3 сформулированных задач грядущего 10-летия являются в той или иной степени уникальными).

Условно все названные респондентами задачи можно поделить на два класса:

- те, что касаются решения чисто исследовательских проблем;
- те, что касаются решения организационных или организационно-исследовательских проблем.

Суть наиболее часто называемых экспертами *исследовательских задач* можно в целом свести к следующим трем:

1) необходимо четко определить статус ключевых понятий «Критики способности суждения» и в целом актуализировать телеологию Канта для использования в различных сферах знания, в том числе для изучения природы (Томас Тойфел, Роберт Хауэл, Юрген Штольценберг, Владимир Гильманов, Мария Де Паула Оливера);

¹ Если к исследователям из США отнести тех, кто сейчас трудится в Китае, — это С. Палмквист и Т. Рокмор, то тогда численность данной группы увеличится до 5 человек.

2) следует доказать совместимость взглядов Канта и современной науки и рассмотреть основания современной науки через призму идей Канта и в принципе ответить на вопрос соотношения открытий Канта и современной науки (Стивен Палмквист, Леонард Калинников, Нина Дмитриева, Алексей Кислов). Особенно подробно и ярко об этом говорит Стивен Палмквист, который отмечает, что современному кантоведению «нужно ясное и четкое доказательство совместимости кантовской теоретической философии с современными открытиями в естественных науках, особенно физике. Представление, что некоторые ключевые черты теории познания Канта несовместимы с релятивистской физикой и/или квантовой механикой и что это как-то свидетельствует, будто кантовская позиция устарела, должно быть отвергнуто раз и навсегда, так как оно основано на недопонимании не только кантовской позиции, но также природы и статуса соответствующих научных революций, большинство (если не все) из которых имели глубоко кантианский характер»;

3) необходимо актуализировать идеи Канта для решения политических проблем современности, особенно в свете трактата «К вечному миру» (Хельмут Вагнер, Хироо Накамура, Мирослав Желязны, Владимир Гильманов, Мария Де Паула Оливера). Например, Хельмут Вагнер призывает коллег ответить на вопрос о том, насколько далеко Евросоюз находится от кантовской идеи «Вечного мира». В свою очередь Мария Де Паула Оливера ставит вопрос о том, как соотносятся между собой «философия права Канта и право на сопротивление: как согласовать всеобщий принцип права с политической возвышенностью Революции?».

Реже в ряду исследовательских задач назывались следующие:

- более глубокое изучение коперниканских революций философа;
- доказательство возможности трансцендентального идеализма, включая трансцендентальную дедукцию категорий. Например, Кристиан Оноф предлагает ответить на извечный вопрос аналитической философии, каким образом трансцендентальный идеализм представляет собой «защито-пригодную метафизическую концепцию»?;
- пересмотр кантовской концепции автономии, в том числе в свете современных трансформаций общества;
- более тщательное исследование истоков кантовской философии;
- логико-семантическая реконструкция идей Канта, в том числе практической философии.

Помимо сказанного хочется выделить еще одно предложение Стивена Палмквиста, который долгое время работает в Гонконге и может наблюдать рост интереса к Канту со стороны незападных мыслителей. Он пишет, что философы, принадлежащие к азиатской, африканской и арабско-персидской традициям, «все больше и больше осознают кантовскую актуальность, поэтому западные философы рискуют отстать, если они также не познакомятся с этими другими традициями».

К наиболее часто называемым респондентами *организационным задачам* относятся следующие:

1) завершение и обновление академического издания и его переводов на другие языки. Отдельно выделялась необходимость завершения немецко-русского издания Канта, издания на русском трудов ведущих кантоведов, введений к изданиям трудов Канта, а также обширного рукописного наследия философа, которое пока не очень хорошо известно за пределами

Германии. Особенно ярко данная проблематика освещается в ответах Нелли Мотрошиловой, Леонарда Калининкова, Дитера Хюнинга, Бернда Дёрфлингера, Мирослава Желязны, Алексея Круглова, Нины Дмитриевой;

2) популяризация наследия Канта. Здесь можно привести слова Леонарда Калининкова, который подчеркнул, что «требуется серьезная работа философов-кантоведов для того, чтобы показать преимущества кантовской системы по сравнению с другими направлениями и школами философии в современном мире. Необходимо осознать эти преимущества и, конечно, значительно шире пропагандировать идеи Канта сегодня. Потому что кантовская система — это идеи нашего, XXI, столетия. Проблемы, задачи и способы их решения, предложенные Кантом, что становится сейчас очевидным, это не утопия, а программа для реальных действий. Безусловно, необходимо уточнение этих идей, соотнесение с современным состоянием культуры». Сюда же можно отнести предложение Татьяны Румянцевой о создании интересного туристического маршрута по местам Канта (над чем сегодня работают сотрудники БФУ им. И. Канта и правительство Калининградской области) и повышение доступности трудов философа для всех желающих их изучать.

3) создание специализированных институтов по изучению наследия Канта либо в форме кафедр немецкой классической философии (Владимир Белов), либо в форме научных учреждений, например «Европейского института моральной политики» при БФУ им. И. Канта «с целью создания образовательной перспективы для подготовки политической и финансово-экономической элиты нового качества на основе критической философии Канта. Привлечь к метаидее этого института внимание политических, финансовых и образовательных структур всех сопредельных к Калининградскому анклаву актантов в России, Польше, Литве, Латвии, Германии и др.» (Владимир Гильманов); либо в форме специализированных кантовских институтов или постоянно действующих семинаров, которые обеспечили бы непрерывность исследовательской работы (Бернд Дёрфлингер); либо в форме постоянно действующих специализированных семинаров для молодых кантоведов (что уже реализуется под руководством Галины Сориной на базе МГУ им. М.В. Ломоносова и БФУ им. И. Канта) или для переводчиков (Нелли Мотрошилова).

4) активизация международного академического обмена, изучения немецкого языка, а также оказание поддержки кантовских исследований во всем мире. Причем, как отметил Владимир Белов, знание немецкого языка необходимо даже не столько для того, чтобы читать Канта в оригинале, сколько для того, чтобы «была возможность втянуться в пространство дискуссии, которая на немецком языке ведется довольно давно».

Выводы

Несмотря на скромное число заполнивших анкету респондентов, на мой взгляд, все-таки можно сделать определенные выводы. Безусловно, некоторые из них напрашивались, казалось бы, сами собой. Однако всегда полезно иметь подкрепление в виде вполне конкретных мнений экспертов, пользующихся заслуженным уважением в научном сообществе.

Во-первых, по мнению большинства экспертов, важнейшим в свете грядущего 300-летия со дня рождения Канта должно стать решение организа-

ционных и организационно-исследовательских задач, в том числе завершение и обновление академического издания как важнейшего для всех исследователей источника; выполнение новых переводов; создание институциональных предпосылок для кооперации ученых всего мира по изучению кантовского наследия, в том числе в Калининграде. Сюда же стоит отнести поставленную Леонардом Калининковым глобальную задачу «осмысления и обобщения всех тех результатов, что получены на протяжении XX столетия в данной области. Особенно в последние 40 послевоенных лет, когда кантоведение приобрело новое дыхание и выдвинулось на передовые рубежи в мировой философской науке. В свете этих достижений требуется создание новых обобщающих трудов, излагающих систему как целое. По частям относительно тех или иных идей Канта сделано чрезвычайно много уточнений. Теперь нужны новые обобщающие труды системного характера. Старые изложения системы, какие мы имеем в трудах неокантианцев, в свете последних достижений кантоведения в некоторых отношениях устарели, и нужен новый подход»;

Реализация предложенных респондентами организационных задач поможет решить проблему, на которой акцентировала внимание Нелли Мотрошилова и которую точно сформулировал Алексей Круглов. В своей анкете он подчеркнул, что «имеется и иная внутренняя проблема самого кантоведения, мешающая его дальнейшему развитию. За последний век оно приобрело такой масштаб, говорит столь разными языками, что стало практически невозможно ориентироваться в безбрежном потоке кантоведческой литературы. Степень невежества многих современных исследователей относительно своих даже выдающихся предшественников, которым мировое кантоведение действительно многим обязано, просто поразительна. В результате дискуссии нередко ходят по кругу, а аналогичные аргументы независимо воспроизводятся через десятилетия, ибо знание основных итогов работы предшественников, а еще больше желание об этом знать попросту отсутствуют».

Косвенное подтверждение словам Алексея Круглова было получено в рамках данного экспертного опроса. Мое внимание привлек тот факт, что среди признанных исследователей творчества Канта, которым стоит персонально уделить внимание в ближайшие 10 лет, респонденты назвали только две персоналии – Саломо Фридландера, которого отметил Хироо Накамура, и Юргена Хабермаса, которого отметил Хельмут Вагнер.

Вместе с тем стоит сказать, что хоть проблема «переоткрытия» некогда сформулированных в рамках кантоведения истин, безусловно, довольно серьезная, однако, на мой взгляд, в такой ситуации есть и свои плюсы. Дело в том, что если многие исследователи, не знакомые с трудами предшественников, независимо друг от друга, изучая под разными углами зрения наследие Канта, приходят к тождественным выводам, это тоже ценно. Ведь если собрать все эти «переоткрытые» истины, то можно утверждать, что они являются общезначимым ядром кантовской философии, одинаково воспринимаемым учеными из разных стран и эпох, которые, тем не менее, пришли к взаимопониманию, даже не зная о существовании друг друга.

Есть и другая важная проблема, которую можно решить в рамках предложенных организационных задач. Дело в том, что до сих пор не хватает площадок для общения экспертов. Безусловно, очень многое делается Маргит Руффинг и всей командой Майнцского университета, которые издают

«Kant-Studien» и создали замечательный портал для поддержки всех кантоведов мира (www.kant.uni-mainz.de). Здесь же можно отметить и просветительскую деятельность Общества друзей Канта и Кёнигсберга (www.freunde-kants.com); профессора Стива Нарагона, который также собрал неплохую базу данных по источникам, касающимся философского наследия Канта (www.manchester.edu/kant/); команды электронного журнала «Kant Studies Online» (www.kantstudiesonline.net), кантовских обществ всего мира. Но, видимо, всего этого пока недостаточно. То же касается и отечественного кантоведения, в связи с чем особую актуальность приобретает предложение Нины Дмитриевой о создании русскоязычного полнотекстового ресурса текстов Канта и трудов исследователей его наследия. Сделать это можно, например, на базе портала www.kant-online.ru. На примере сайта Майнцского университета могу сказать, что помощь таких электронных ресурсов просто неоценима.

В ряду организационных задач можно предложить научному сообществу решить еще одну. Было бы неплохо все же сосчитать кантоведов, чтобы сформировать представление о том, сколько нас и являемся ли мы интеллектуальной силой. Решение этого общего вопроса позволило бы решать более частные. Например, Хельмут Вагнер в качестве одной из задач выдвинул определение самых влиятельных исследователей, занимающихся изучением философии политики Канта. Чтобы это сделать, нужно, как минимум, знать, сколько вообще в мире ученых, которые изучают различные аспекты кантовского наследия, однако значительный вклад внесли именно в исследование его политической философии.

Во-вторых, если говорить об исследовательских задачах, то здесь на передний план выходят ключевые вопросы кантовской телеологии, а также ее применения как в сфере естественных наук, так и в социальной практике. Похоже, что «Критика способности суждения» сегодня является самой загадочной фундаментальной работой Канта. Например, Томас Тойфел отметил, что по вопросу систематической взаимосвязи «Критики чистого разума» и «Критики способности суждения» ученые за последние более чем 30 лет «предприняли массу выстрелов наугад по этому поводу, однако не было разработано ничего, что могло бы выдержать испытание временем».

Что же касается идей, разработанных Кантом в трудах по философии истории или политической философии, то здесь вряд ли кто-то будет спорить об их актуальности, особенно на фоне драматических событий, происходящих сегодня в Европе.

Об авторе

Валентин Валентинович Балановский — канд. филос. наук, младший научный сотрудник Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, pol-pred@yandex.ru

About the author

Dr. Valentin Balanovsky, Senior Researcher of Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, pol-pred@yandex.ru